

Научная публицистика

О РАБОТЕ ИСТОРИКА: ПУТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. П. Каждан

О методике преподавания истории пишут довольно много. Существуют специальные научные учреждения, занимающиеся этим вопросом. Широко обсуждаются проблемы, как лучше донести знания до школьника. О методике же изучения истории почти совершенно не пишут. Конечно, потребителей исторических фактов и обобщений гораздо больше, чем исследователей, воссоздающих эти факты и ищущих новые обобщения. Конечно, нецелесообразно создавать кафедры по методике изучения истории. Больше того, по всей видимости, никого из исследователей нельзя убедить в том, что существует лучшая методика, нежели та, которой он пользовался всю свою научную жизнь. Тем не менее разговор на эту тему, думается, был бы небесполезным: обсуждение учеными накопленного ими опыта могло бы заставить нашу исследовательскую молодежь размышлять над методами изучения материала, более сознательно и с большей ответственностью выбирать для себя эти методы.

Византийский писатель Николай Месарит, живший на рубеже XII и XIII столетий, примерно так объяснял, почему он решил описать неудачный мятеж Иоанна Комнина Толстого в 1201 году. Многие из знакомых Месарита, интересуясь бурными событиями, очевидцем и участником которых ему довелось быть, прямо на улице останавливали его и принимались расспрашивать, а у Месарита от напряжения того тревожного дня горло пересыхало и дыхание прерывалось, и тогда он решил предать все ему известное чернилам и бумаге. Эта ироническая записка византийского писателя вспоминается мне всякий раз, когда кто-либо из коллег спрашивает, как я «работаю»: может быть, действительно целесообразно «предать бумаге и типографской краске» те профессиональные секреты, которые с течением лет накапливаются у каждого из нас. Нужно, пожалуй, преодолеть ту стыдливую инертность, которая у нас почему-то появилась: мы словно стыдимся признаться себе в том, что работа историка — это не столько сошествие Аполлона или Клио, сколько трудоемкое ремесло, требующее навыков, которые можно передать другому и о которых можно посоветоваться.

Я совершенно сознательно говорю о ремесленных секретах и беру слово «работаю» в кавычки. Во всяком (вероятно, во всяком) исследовательском труде есть две стороны. Одна — загадочный процесс установления новых связей между явлениями, творческий процесс в подлинном смысле слова. Судить о механизме творчества — дело психологов,

а здесь можно лишь отметить, что психология научного творчества не принадлежит как будто к числу наиболее разработанных отраслей знания. Вторая сторона — это техника, и вот об этой, о гораздо более «низменной», «земной», но вместе с тем гораздо более «материальной» и «ощутимой» стороне нашего труда и пойдет ниже речь. При этом необходима оговорка: техника наша не абсолютна, и прежде всего потому, что возможны различные методы и рецепты, причем их действенность не может быть проверена результатом труда; подчас талантливый историк при менее совершенных технических средствах добивается большего успеха, чем человек менее талантливый даже при лучшей организации труда. Это качество — талант — нельзя сбрасывать со счетов.

Не абсолютны секреты исследовательской техники еще и потому, что разные отрасли исторической науки, основывающиеся на источниках разного типа, различаются и методами. Накопление материала у археолога и у исследователя рукописей происходит различным путем, и если, скажем, историк античной Беотии страдает от скудости источников, то специалист по истории Французской буржуазной революции конца XVIII в. может прийти в растерянность от их изобилия. Вот почему опыт одного историка, если рассматривать этот опыт не как предмет для размышлений, а как руководство к практике, может показаться другому неприемлемым. Не знаю, удастся ли мне приблизиться к общезначимости, или же византиноведческое утро моих рекомендаций сделает их непригодными для представителей других фронтов исторической науки.

Прежде чем начать писать, вечное перо наполняют чернилами. Этот несложный образ выражает — пусть приблизительно и неточно — содержание исследовательского труда: прежде чем начать писать, историк должен обрести известную сумму знаний, информацию. Собираение информации и есть первый и необходимый этап работы. Информация, которая нам нужна, может быть, мне кажется, сведена к трем типам: библиографическая, фактографическая и методологическая. В нормальном случае исследование начинается с библиографии. Где и каким образом ее взять? Прежде всего остановлюсь на общем принципе, который, к сожалению, в нашей практике постоянно нарушается. Принцип этот может быть сформулирован следующим образом: библиографическая информация должна собираться систематически, а не применительно к решению данной задачи. Поясню, что имеется в виду. Допустим, исследователь избирает тему «Восстание Ника в Константинополе 532 г.». Он накапливает библиографию по этой теме, исчерпывает материал (в данном случае это возможно), решает задачу — и должен перейти к новой теме. Допустим, она формулируется так: «Византийский город VI в.». Опять приходится просматривать справочники (те же самые!) и составлять библиографию, которая, естественно, в какой-то мере совпадает с составленной прежде. Проходит какое-то время, работа сделана или (с кем не случается!) не сделана и брошена, историк стоит перед новой темой: «Прокопий Кесарийский как источник». Опять сбор библиографии, опять просмотр справочников, уже знакомых, уже надоевших. При этом извилистый ход исследовательского пути заранее предусмотреть невозможно. При разработке любой темы, даже самой узкой, возникают непредвиденные вопросы. Библиография, составленная «по случаю», их не в состоянии удовлетворить. Возвращение к справочникам оказывается потребностью не только при переходе к новой теме, но и при работе над данной темой и, может быть, несколько раз. Библиография такого рода умирает после конца работы: ведь она рассчитана только на данные нужды. Кто станет вести библиографию по старой теме, перейдя к новой! А ведь поток статей и книг не останавливается. Проходит лет пять, и самая точная библиография практически лишена цены, она уже не актуальна, не отвечает сегодняшнему дню науки...

Другой путь представляется более трудоемким, но эта трудоемкость в конечном счете оправдывает себя. В этом случае ведется библиография по проблематике, которая заведомо шире интересов исследователя, библиография, которая должна удовлетворить все его попутные запросы и которая способна служить ему при переходе к новой теме. Иными словами, историк составляет не множество конкретных библиографий к частным задачам, он ведет одну библиографию на протяжении всей своей жизни. Он избегает, таким образом, непроизводительной растраты сил и времени, связанной с постоянно повторяемым просмотром все тех же библиографических справочников. Когда говорят «ведется библиография», подразумевают не однократный акт — составление списка, а систематический процесс учета текущей литературы, равно как и более детализированную проработку (по новым монографиям и указателям) отдельных разделов. Процесс этот никогда не останавливается: остановка в библиографической работе смертельна. Библиография лишь минимально окрашена личностью ученого и потому легко может быть передана, как эстафета, новому поколению.

Для моих практических потребностей нужна библиография по большой теме «История Византии», включая смежные сюжеты, как-то: история Болгарии в средние века, богословие, греческая средневековая литература и т. п. Источником для составления этой библиографии служат систематические каталоги библиотек, общие справочники и прежде всего текущая библиография византиноведческих журналов. На небольших карточках я указываю по возможности библиографически точное название книги или статьи с выходными данными; если это возможно, ставится и шифр библиотеки. На карточке указываются также рецензии, посвященные данной работе, а в некоторых случаях раскрывается и содержание последней. Это делается тогда, когда содержание легко обозримо (допустим, статья посвящена установлению новой даты сражения) или если оно не адекватно заглавию (то есть если из заглавия непосредственно не следует, к какой проблеме относится данная работа). Уже составление карточек не может считаться механическим делом. Оно предполагает известный отбор, прочтение аннотаций (библиографии в византиноведческих журналах аннотированные) и просмотр некоторых новых трудов. Еще менее механическим является второй элемент библиографической деятельности — расстановка карточек в картотеке. Поскольку алфавитный принцип для картотеки этого типа бессмыслен, расстановка включает в себя систематизацию: информационный материал должен быть расположен так, чтобы его можно было легко найти. Поэтому целесообразно, на мой взгляд, дробить его на возможно более мелкие разделы, отмеченные специальными карточками-разделителями. Четкость систематизации особенно важна потому, что принцип экономии сил заставляет воздерживаться (коль скоро это удастся) от умножения числа карточек даже в том случае, если работа может быть отнесена к нескольким разным разделам. Эта картотека дает возможность очень быстро, без специального просмотра каких бы то ни было справочников, получить представление о литературе почти по любой теме, относящейся к византиноведению.

Наряду с подобной «генеральной» библиографией, по всей видимости, целесообразна особая библиография, а именно: текущей выходящей в СССР литературы. Такая библиография составляется по Книжной летописи, Летописи журнальных статей и Летописи рецензий, а также по основным журналам, затрагивающим существенную для исследователя тематику, сборникам, «Ученым запискам», энциклопедиям и пр. Известные дополнения могут быть почерпнуты из картотек и списков, составляемых профессионалами-библиографами в ведущих библиотеках. Поскольку этот раздел библиографии с самого начала предполагает составление обзоров и рецензирование новых книг, историк в

данном случае выступает не как потребитель, а как распространитель информации: необходимо сразу же составлять аннотации на наиболее существенные из просмотренных работ. Разумеется, карточки в таком случае должны быть большего размера, чем в «генеральной» библиографии. Составленный из этих карточек каталог дает представление о продукции наших историков за последние годы. Трудно переоценить ту пользу, какую извлекает для себя исследователь из систематического рецензирования: он не только оказывается в курсе новых достижений в своей области науки, но и начинает лучше понимать чужую мысль и четче формулировать собственные взгляды. Тематические обзоры развития той или иной области знания за определенные годы дают возможность понять тенденции науки. Что касается византиноведения, то рецензионная работа в этой области постоянно привлекала самых крупных ученых, начиная от В. Г. Васильевского и К. Крумбахера, и можно припомнить рецензии, значение которых оказалось большим, нежели значение отрецензированных в них книг¹.

Выше я назвал библиографию информацией. Строго говоря, библиография дает исследователю не самую информацию, но лишь пути к ее извлечению, лишь ключ, указатель. Составление библиографии — непременное условие работы, но не сама работа историка. Собираение информации в собственном смысле слова состоит в обработке источника. Искусство чтения источника, умение исследователя увидеть то, что ускользало от его предшественников, — известный дар ученого. Это искусство определяется также суммой его знаний, с одной стороны, позволяющей избежать «открытия» уже открытых явлений, а с другой — дающей критерий для суждения о важности встреченных в источнике фактов. То и другое (способности и знания) — это субъективные свойства исследователя, и вряд ли их можно передать от одного к другому с помощью простых советов. Но искусству прочтения источника, на мой взгляд, в немалой мере помогает техника его обработки, причем технические приемы связаны с некоторыми принципиальными положениями, вокруг которых нередко ведутся, — к сожалению, лишь кулуарные — дискуссии. Собственно говоря, чтение источника, его анализ должны дать исследователю максимальное количество максимально подвижных элементарных фактов; греческое слово «анализ», «analysis», и означает, кстати сказать, расчленение, выделение составных частей. Что ученый должен стремиться к овладению возможно большим количеством фактов — трюизм, не нуждающийся в обосновании. Но что имеется в виду под «подвижностью» фактов, по-видимому, заслуживает пояснения.

Анализ не есть конечная цель ученого. Элементарные частицы, отбираемые им при чтении источника, должны на следующем этапе послужить материалом для возведения здания, основанного на авторской логике. В очень редких случаях авторская логика совпадает с логикой источника. Тогда перед нами пересказ, допустимый лишь тогда, когда в оборот вводится новый, до сих пор еще неизвестный или не изучавшийся памятник. В принципе же исследование заключается в том, что элементарные факты исключаются из тех связей, в которых они находятся в источнике, и вовлекаются в новые связи. Попробую пояснить это примером. Задача некоего исследования — выяснить отношение византий-

¹ Есть одна область библиографической работы в византиноведении (и может быть, не только в нем), которая пока еще находится на низком уровне, — это библиография рукописей. Византийские рукописи рассеяны в сотнях хранилищ. Существует специальная книга М. Ришара, являющаяся сводным списком хранилищ греческих рукописей. Далеко не все из этих хранилищ описаны надлежащим образом, многие описания устарели, неточны. Перед византинистами стоит очень трудная задача — составление сводного каталога греческих рукописей. До тех пор, пока эта задача не будет выполнена, информация о текстах, остающихся неизданными или изданных некритически (по худшим рукописям, без привлечения других списков), будет поневоле отрывочной, неполной.

ского писателя XII—XIII вв. Никиты Хониата к императорской власти. Прямого изложения концепции императорской власти у Никиты Хониата нет, в его «Хронике» и в его речах имеются лишь разрозненные и высказанные по разным поводам оценки деятельности отдельных конкретных императоров. Суждение Хониата о характере власти василевсов не может быть пересказано, оно может быть лишь реконструировано. Относящиеся к теме места должны быть выбраны, вычленены из контекста и затем систематизированы. Представим далее, что тема ставится шире и исследуется отношение к императорской власти не одного только Хониата, а группы византийских историков XI—XII вв.: Пселла, Атталиата, Киннама и т. д. В этом случае разрыв с контекстом будет еще большим, и пассажи, почерпнутые из Пселла, сочетаются (будь то сопоставление или противопоставление) с местами, wybranными из Хониата. Значит, техника чтения источника заключается именно в том, чтобы создать исследователю возможным образом перемещать элементарные факты, «элементарные частицы» источника.

Это положение оправдывается еще и следующим обстоятельством. Хотя мы не можем приблизиться к исторической реальности иначе, чем через источник, последний сам по себе не тождествен исторической реальности. Источник (особенно письменный) есть ее отображение, не только неполное, но и окрашенное социальными, этническими, религиозными предрассудками, традиционными суждениями и априорными субъективными воззрениями авторов. Заключение в источнике внутренняя логика существенна главным образом для восстановления авторской идеологии. Если же мы стремимся приблизиться к исторической реальности (экономика, социальные отношения, политический строй, социальная психология, быт и т. п.), то нам как раз и необходимо вычленить из источника включенные в него элементы действительности. Разумеется, «элементарные частицы», выделяемые из источника, окажутся различными в зависимости от авторской задачи. Они будут особенно мелкими, если задача исследователя состоит в собирании терминологии, этнонимов, имен собственных и пр. Я мог бы сослаться на работу венгерского византиниста Д. Моравчика, собравшего по всем византийским источникам тюркские термины и имена. Если исследователь занимается изучением быта, то исследуемый текст дробится на более крупные частицы, ибо в данном случае важен не только термин (для орудий, частей одежды, для жилищ, утвари и т. д.), но и описание этих предметов в памятниках. Наконец, при изучении политической борьбы «элементарные частицы» приобретают еще большие размеры, ибо они должны включать в себя последовательное описание сложных событий. Но как бы то ни было, коль скоро историк не склонен ограничивать себя простым дескриптивным методом, предварительное расчленение материала источника, его анализ в буквальном смысле слова являются необходимостью.

Все это длинное рассуждение нужно было, собственно говоря, для того, чтобы обосновать тот технический прием прочтения источника, который кажется мне наиболее целесообразным, — роспись на карточки. Многие историки, подчас очень успешно работающие, не пользуются карточками, а составляют конспекты или обширные выписки, считая, что необходимо сохранить «контекст», то есть логику самого памятника. Мне кажется, однако, что противники «карточной системы» оказываются в плену известной аберрации: ведь и они проделывают ту же операцию расчленения источника (если не ограничиваются его пересказом), только проделывают ее умственно, в собственной голове. Человеческая память богата, и есть немало ученых, наделенных этим свойством с завидной щедростью: они могут позволить себе помнить, в каком месте конспекта находится то или иное свидетельство, они свободно находят необходимое. Но в отличие от картотеки память не безгранична. По мере «начитывания» источника число конспектов возрастает, и наступает

момент, когда к ним самим неплохо бы составить конспект-указатель... Представим теперь, что ученому понадобилось собрать весь материал, касающийся одного общественного института, скажем, пронии. Так как прония упоминается в десятках различных византийских источников, то историк — сторонник конспектирования вынужден будет обложить десятками конспектов; если прония упоминается в источнике два-три раза, ему придется смотреть на две-три страницы конспекта. Исследователь же, работающий с карточками, в состоянии физически выделить из всей своей картотеки тот круг выписок, который относится к теме «Прония». Он может затем расположить карточки в том логическом порядке, который представляется ему целесообразным, его логика словно материализуется в систематизации карточек. Он может далее убедиться, что выбранная им система связей (последовательность изложения) оказывается не наилучшей, и в соответствии с новыми мыслями перестроить порядок карточек. Конспект — жесткая, неподвижная конструкция. Раз сделанный, он не способен изменяться. Логическая работа ученого совершается практически вне конспекта, который остается лишь стимулятором исследовательской мысли. Картотека, напротив, подвижна: наша мысль по поводу отобранных фактов при такой системе работы способна тут же материализоваться. Расположение карточек на каждом данном этапе творческого процесса отвечает состоянию исследования. Перестановка разделов картотеки и перемещение карточек внутри разделов — это запечатленное движение мозга. Внешне увлекательная игра, подобие колоссального пасьянса, по существу же — биевые мысли, внезапно ставшее видимым. Короче говоря, конспект соответствует дескриптивной обработке источника, то есть пересказу основных моментов одного памятника, к которому затем присоединяется пересказ другого и третьего, тогда как картотека отвечает потребностям активной переработки материала источников. Картотека в идеале представляет собой полную роспись источника, исчерпывающее извлечение содержащихся в нем элементов. Полный же конспект был бы тождествен источнику и потому бессмыслен. Картотека рассчитана не на уничтожение, а на продолжение. После выполнения частной задачи использованные карточки безболезненно водворяются на место и могут послужить материалом для решения новых частных задач. Картотека — это материализованная память ученого, и, более того, она может стать материализованной памятью коллектива ученых. Действительно, в отличие от конспекта картотека сравнительно легко поддается стандартизации. Конспект всегда несет на себе отчетливый отпечаток авторской индивидуальности: подчеркивание, заметки на полях, условные знаки, выражающие отношение к тексту, — все это бесконечно многообразно, и чтение чужого конспекта, как правило, превращается в расшифровку. Карточка же состоит из ограниченного набора частей, без которых она, собственно, и не является сама собой: из выписанного текста, заголовка, облегчающего (ускоряющего) манипуляции с карточкой, и ссылки, то есть сокращенного наименования книги с указанием страницы, параграфа, строки и т. п. Различия, которые возможны в заполнении карточек, по всей видимости, несущественны.

Стандартизация карточек ни в коей мере не означает стандартизации мысли. Различие между учеными проступает не в том, как они оформляют карточку, а в том, что они выбирают из источника и каким образом комбинируют выбранное. Вместе с тем стандартизация карточек создает ряд условий, благоприятствующих исследовательской работе. Во-первых, преемственность. Историки, владеющие прошлым, не властны над собственным будущим: они смертны. Конспекты, не превращенные в статьи и книги, как правило, погибают — стандартизованная картотека может перейти в другие руки и продолжать жить и расти. Во-вторых, коллективность творчества. Здесь приходится коснуться очень

большого и очень большого вопроса — о коллективных трудах. В наш век колоссальных учреждений и грандиозных лабораторий создание коллективных трудов — дело понятное и благородное, но принимает нередко до странности извращенные формы: вместо того, чтобы добиваться коллективности исследования, иногда начинают с другого конца, с коллективности обобщения. Коллективные труды — по преимуществу (если не исключительно) труды обобщающего характера. Результат известен: там, где всего нужнее смелая индивидуальная мысль, царит «равнодействующая» общих суждений. Сравнительно недавно, в 1966—1967 гг., вышла в свет двухтомная книга о Византийской империи (в составе Кембриджской средневековой истории). Она написана крупнейшими специалистами с мировыми именами, сообщаемые в каждой главе сведения надежны, трактовка источников свежа и оригинальна. И вместе с тем книга буквально распадается на обособленные главы-черки: каждой главе присущи своя авторская манера, свои принципы организации материала, своя периодизация, своя, наконец, оценка путей развития Византии. Обобщение оказывается механическим, достигаемым с помощью переплета.

Говоря о коллективности творчества, я имею в виду в данном случае иное коллективное наступление на источник. Когда в начале 20-х годов Академия наук молодой Советской республики задумала составление словаря средневекового греческого языка, была создана комиссия, получившая несколько экзотическое название — «Константин Багрянородный». Предполагалось, что эта комиссия распределит все тексты византийских авторов, все греческие документы, надписи и т. п. между различными участниками предприятия, каждый из которых, следовательно, будет иметь дело с обозримым кругом текстов. На основании прочитанного должны были составляться карточки слов, стандарт которых был выработан и опубликован на общее обозрение в «Византийском временнике». Карточка словаря должна была состоять из стандартных карточек, сделанных коллективом, а возникший на базе подобной карточки словарь был бы воистину плодом коллективного труда. Составление лексического словаря, по-видимому, наиболее простая задача, поскольку принцип отбора в этом случае легче всего определить. Более сложным было бы составление просопографического словаря, то есть словаря византийских имен и фамилий, однако и в этом случае принцип отбора довольно четок. Но если бы мы попытались обследовать всю сумму византийских источников, допустим, в поисках сведений по социальным отношениям, критерий отбора определить было бы значительно сложнее. И все-таки, думается, составление коллективных карточек в хорошо организованной группе ученых — дело не абсолютно безнадежное. В последние годы все настоятельнее ставится вопрос об использовании перфорированных карточек. Перфорация позволяет легко отобрать из обозримой массы карточек группу, относящуюся к узкой теме, однако внутри этой отобранной группы порядок оказывается случайным, тогда как для исследования особенно важна последовательность расположения материала. Однако, возможно, для коллективных карточек перфорированные карточки окажутся в некотором отношении удобнее обычных.

Само по себе оформление карточек не должно порождать трудностей. Гораздо сложнее, на мой взгляд, определить, что именно следует взять из источника. Прежде всего нужно дать себе отчет в существовании двух принципиально разных путей отбора материала. Первый заключается в том, что источник анализируется для решения конкретной, заранее поставленной, легко обозримой задачи; чтобы не нагромождать новых примеров, воспользуемся теми, что уже приводились выше, хотя и в иной связи: при составлении просопографического словаря или при составлении сводки тюркских имен и терминов в средневековых грече-

ских памятниках исследователь отбирает очень ограниченную группу элементарных фактов, пренебрегая (совершенно сознательно) всем остальным богатством содержащихся в источниках сведений. Но существует и второй путь — путь всестороннего и комплексного обследования хронологически ограниченной группы памятников. Исследователь словно стремится к исчерпывающей обработке и росписи источника. Сразу же нужно оговориться, что исчерпывающая обработка мало-мальски обширного памятника невозможна, ибо параллельно с накоплением знаний и опыта историк обнаруживает новые и новые аспекты изучения. Я очень хорошо испытал это при повторном сплошном прочтении «Хроники» Никиты Хониата: первый раз я прочитал это объемистое сочинение, когда только еще приступал к изучению византийской истории XII в., второй раз — когда основная масса византийских авторов этого периода уже была мной прочитана. При втором чтении я сделал в пять, если не в десять раз больше выписок. И это не потому, что первый раз был невнимателен, — нет, появились новые аспекты, новые углы зрения.

Выбор пути обследования определяется множеством объективных и субъективных причин. Там, где историк располагает обильными источниками, вряд ли целесообразно обращаться к комплексному обследованию: в этом случае нужно лишь определить, в источнике какого типа сосредоточен оптимальный запас сведений для решения данной задачи. Так, исследователь рентных отношений в средневековой Англии обладает настолько обширным материалом описей, государственных и манориальных, что ему, собственно говоря, нет никакого смысла обращаться к хроникам и даже грамотам; крупницы сведений, которые он почерпнет из памятников этого типа, не будут стоить затраченного на них труда. Иное дело — византист, который никак не может пренебречь редкими свидетельствами хроник, ибо доступные ему описи исчисляются единицами и датируются преимущественно XIII — первой половиной XIV века. Чем меньше сохранилось источников, тем более целесообразно их комплексное обследование. Выбор пути определяется и направленностью исследования. Ученый может поставить задачей своего рода диахрональный срез на заданную тему, допустим, упоминание о русских в византийских памятниках на всем протяжении истории империи или известия о рабах и рабстве в Византии с IX по XV век. Но в последнее время мы все больше стремимся к тому, чтобы рассмотреть общество как единую работающую систему, отдельные элементы которой внутренне связаны. Комплексное восприятие общества и комплексное изучение источников (повторю еще раз, что это неприложимо к обществам и периодам, обеспеченным очень большим фондом источников) связаны между собой. При этом комплексное изучение источника выдвигает новые задачи, оказывающиеся плодотворными: выясняется, что варварские правды, которые на протяжении ряда поколений исследовались как источник для изучения экономики, социальные отношений и права, способны осветить и некоторые стороны социальной психологии раннесредневекового общества. Наконец, комплексное обследование источника предполагает известный опыт исследователя. Стоящая перед ним задача настолько разнопланова, что ему легко сбиться с пути. Разумеется, пропуски неминуемы при самой высокой квалификации, однако есть допустимая и недопустимая степень пропусков, есть промахи, которые превращаются в систему и обесценивают исследование. На раннем этапе научной работы комплексное обследование памятника вряд ли рационально. Комплексное обследование труднее, но оно дает сумму знаний об эпохе, восстанавливает эпоху в ее целостности. Оно оправдывает себя в конечном счете, как оправдывает себя систематическая библиография.

Чтение источника не только отбор фактов, но и проверка их. Читая источник, постоянно приходится обращаться к справочникам, к специальным исследованиям. Есть масса исторических фактов, давно во-

шедших в научный оборот. Всегда производит комическое впечатление приведение в исследовании широко известных фактов со ссылкой на источник, как если бы мы имели дело с новым открытием! Есть масса свидетельств, поставленных исторической критикой под сомнение, уточненных или вовсе отвергнутых. В карточке — выписке из источника или в сопроводительной карточке должно быть отмечено, что по этому поводу было написано, какие существуют трактовки этого пассажа².

Но вот карточки сделаны — как расставлять их? И здесь возможны две основные системы, связанные со стоящей перед исследователем задачей. Если исследовательская работа подчинена ограниченной, конкретной теме, расстановка с самого начала является систематической, то есть карточки расставляются в логической системе, независимо от источника выписок. Логика источника нарушается сразу же и последовательно. Конечно, было бы наивным оптимизмом считать, будто сама по себе расстановка карточек в ящике способна создавать новые связи и, следовательно, новые идеи. Наоборот, при первоначальной расстановке мы, как правило, руководствуемся предвзятой схемой последовательности: вырываясь из-под власти заранее данной (находящейся в памятнике) схемы, мы рискуем оказаться в плену другой. Но тут-то и входит в силу преимущество карточной системы — ее гибкость. Расставляя карточки по априорной схеме, мы время от времени наталкиваемся на противоречия: обнаруженные факты «не лезут» в схему. Расстановка превращается в перестановку, в пересмотр. Если, наоборот, исследовательская работа носит комплексный характер, то на первом этапе мне кажется более предпочтительной расстановка по авторам; при более или менее однородной систематизации материала внутри авторских ящичков. Дело в том, что при комплексном исследовании характеристика авторской личности сама по себе является важной частью работы. Вместе с тем однородность систематизации разделов в авторском ящике позволяет в случае необходимости легко объединить материал по любой возникающей перед исследователем проблеме.

Когда я говорил до сих пор о выборе темы или о систематизации картографированного материала, я отвлекался от той бесспорной истины, что при наличии одних и тех же источников историки разных направлений получают различные выводы. Самый отбор фактов в значительной степени обусловлен мировоззрением исследователя, хотя не исключено, что в процессе собирания фактов материал вступает в противоречие с мировоззрением и заставляет пересматривать общие принципы. Хорошо известно, что в последние годы ряд зарубежных историков принял не только отдельные положения марксистско-ленинской историографии, но и свойственные ей принципы исследования (внимание к технике производства, к судьбам народных масс, к классовой борьбе, представление о том, что политические события в значительной степени определяются социально-экономическим развитием). Здесь нет необходимости специально оговаривать, что принципы прочтения источника советскими историками определяют присущим им марксистско-ленинским мировоззрением. Речь идет, разумеется, не о характере оформления карточек, но о характере отбора фактов. Однако в этой заметке, посвященной сравнительно частному и техническому вопросу, нет необходимости характеризовать марксистско-ленинскую философию истории. Я хотел бы обратить внимание только

² Известный болгарский византист И. Дуйчев рассказывал мне как-то, что, помимо карточек-выписок, он составляет еще своего рода сводные карточки очень большого формата. Каждая карточка посвящена определенному термину или понятию и содержит указания на относящиеся к теме источники и на литературу вопроса. Поражает трудолюбие болгарского ученого; без сомнения, подобные сводные карточки (каждая из них, по сути дела, скелет статьи на частную тему) дают в руки исследователя очень удобный инструмент. Недаром, кстати сказать, так богаты фактами и ссылками на литературу критические заметки И. Дуйчева.

на один аспект этой проблемы. Наши противники иногда упрекают нас в догматизме, в приверженности априорным суждениям общего характера, из которых будто бы мы пытаемся вывести конкретные исторические связи. Упрек этот поверхностен и сам в своей обобщенности догматичен. Развитие советской историографии последних лет убедительно свидетельствует, что нынешнее поколение переживает время серьезных изменений как тематики исторических исследований, так и принципов их построения — при сохранении и упрочении коренных положений марксистско-ленинской философии истории. Это изменение ставит перед исследователем нелегкую задачу: историк, изучающий закономерности прошлого, обязан отдать себе отчет в закономерностях или во всяком случае в тенденциях развития своей дисциплины. Принципиальные линии развития науки и есть то, что можно было бы назвать методологической информацией. Она составляет очень важный элемент информации (в широком смысле слова), получаемой историком. Но если библиографическая информация и информация, извлекаемая из источников, пользуются всеобщим признанием (хотя, осмелюсь сказать, не каждый профессиональный историк отдает свои силы систематическому собиранию того и другого), то отношение к методологической информации нередко бывает настроенным и скептическим. В самом общем виде все, конечно, признают ее важность и все-таки сколь часто в интересе к проблемам методологии усматривают поверхностность и даже дань моде. Напротив, узость профиля охотно трактуют как добродетель и видят в ней синоним досконального знания.

В последние годы историки все активнее черпают методологическую информацию в смежных (а подчас и очень далеких) научных дисциплинах: от социологии до биологии и математической логики. Путь этот в значительной мере оправдан, ибо научный поиск в разных отраслях знания имеет, по всей видимости, общие закономерности. Однако особенно важным кажется мне извлечение методологической информации из своего рода «внутриисторических» ресурсов, то есть из смежных разделов исторической науки: скажем, без изучения книг Е. А. Косминского или М. Блока о западноевропейском феодальном обществе не может обойтись ни византинист, ни историк средневековой Руси (не может, однако — чего греха таить — обходиться сплошь и рядом). Методологическая информация, которая формирует наши общие представления об историческом процессе, не приобретается в результате однократной акции, от случая к случаю. Эта область должна стать предметом столь же серьезного внимания, как и анализ источника. Однако получение разумной методологической информации — сложнейшая задача. Действительно, в настоящее время, в условиях колоссального возрастания печатной продукции, историку очень трудно уследить за тем новым, что делается даже в его собственной области, в узкой сфере его интересов. Уследить же за тем, что происходит в смежных областях, одному человеку практически невозможно. В этом способна помочь только хорошо налаженная информация, печатание обзорных статей специалистов, доклады в смежных секторах, «рассказывание» (как это называют между собой математики) изученных работ принципиальной важности. Если все это и не заменит собственного «вчитывания» в книгу, то во всяком случае облегчит отбор необходимого.

Я не льщу себя надеждой, что достаточно прочесть это коротенькое сочинение, чтобы сделаться историком, и не такова была его цель. Мне только хотелось подчеркнуть, что в интересах своих историк, если он действительно стремится к научному успеху, должен постараться быть шире своей непосредственной, узко сформулированной задачи, что питающую его информацию он должен собирать систематически, непрестанно, а не применительно к случаю, будь то статья, диссертация или любое другое исследование.